

## Глава 9

Небо наконец прояснилось, но над загородным поместьем князя Нина всё ещё сгущались мрачные тучи.

— Наследный принц, да поглядите же вы наконец! — сокрушался Яо Гуанье. Старый слуга души не чаял в своём господине, но сейчас от досады просто не находил слов.

— К чему этот шум? — лениво отозвался Нин Ли. — Подумаешь, жалоба.

Глядя на его беспечность, Яо Гуанье едва сдерживал стон — истинно говорят: «хозяин спокоен, а слуги в панике».

— Прощение клана Ши уже на столе у Его Величества, а вы и ухом не ведёте!

Но ведь сейчас самое время обедать!

Он только-только вернулся с холмов, где собственноручно набрал нежной пастушьей сумки, собираясь приготовить сочные вонтоны. И надо же было перехватить его на полпути к кухне!

— Ну приму я это близко к сердцу, и что с того? — пожал плечами Нин Ли. — Разве это что-то изменит?

— Наследный принц!

Эту рукописную копию доклада Яо Гуанье добыл с огромным трудом, задействовав все свои связи в императорском дворце, едва до него дошли слухи, что репутацию Нин Ли пытаются смешать с грязью.

Стоило ему перечитать эти строки, как гнев вспыхивал в груди с новой силой.

Только послушайте, в чём его обвиняют! Высокомерие, самодурство, вопиющее невежество... Неужели почтенное семейство Ши не разглядело в этих словах собственного непутёвого отпрыска? И у них ещё хватило наглости очернить их молодого господина перед государем!

Яо Гуанье не верил ни единому слову. Он со злостью уставился на свиток:

— Сплошное враньё и наветы!

Сначала старый слуга сокрушался перед Нин Ли с самым несчастным видом, а теперь рвал и метал, твердя, что этот гнусный пасквиль даже не стоит бумаги, на которой написан. Нин Ли

невольно заколебался: так нужно ему это читать или всё-таки не стоит?

— Господин Яо, давайте сперва поедим, а дела оставим на потом, — примирительно предложил он.

— Ах, молодой господин... — выдохнул тот.

На стол подали дымящиеся вонтоны с зеленью. Нин Ли с удовольствием отпил ароматного бульона и, заметив, что Яо Гуанье всё ещё кипит от возмущения, решил немного успокоить верного слугу:

— Господин Яо, и как же мне, по-вашему, следовало поступить?

— По-хорошему, вашему высочеству следовало бы отправить Его Величеству ответное прошение и оправдаться. Но ведь вы... — старик запнулся.

Нин Ли невинно захлопал ресницами:

— А что со мной не так?

Яо Гуанье лишь тяжело вздохнул:

— Да вы ведь до сих пор даже с прибытием государя не поздравили! Не отправили ни единого приветственного доклада!

Споткнулись на самом пороге, не успев сделать и шага.

Яо Гуанье и сам не понимал, какой бес его попутал, когда он пошёл на поводу у Нин Ли. Вот уже десять дней они в столице, а во дворец не отправлено ни строчки. Если они проигнорировали элементарный придворный этикет, то с каким лицом теперь подавать оправдательный доклад?

Семья Ши ударила без промаха: мало того что ославили юношу на весь Цзянье, так ещё и подали официальную жалобу императору. А их молодой господин по врождённой лени действительно не удосужился послать отчёт о благополучном прибытии.

В столице стоит раз упустить инициативу — и ты проиграл. Ошибка на первом шагу повлекла за собой череду неудач, загнав их в угол. Кто знает, какая буря теперь обрушится на их головы от гнева императора.

— Полно вам, успокойтесь, — благодушно отозвался Нин Ли. — Не казнит же он меня на месте.

Яо Гуанье от таких речей чуть не подпрыгнул:

— Ваше высочество, побойтесь неба, не бросайтесь такими словами!

— А разве я не прав? — усмехнулся Нин Ли. — Думаете, он прикажет снести мне голову по первому же навету?

Старик лишился дара речи. Спустя мгновение он качнул головой и невольно улыбнулся:

— Ну, пожалуй, ваша правда.

«Именно, — размышлял Нин Ли, вспоминая сюжеты из уличных романов. — Я ведь приехал в столицу заложником, чтобы держать в узде отца, командующего грозным войском на рубежах. Разве император посмеет лишить меня жизни? Едва ли. Моя смерть в Цзяньне обернулась бы для престола грандиозной катастрофой».

Нин Ли умел смотреть на вещи проще.

— Вот и не берите в голову, — добавил он. — Небо на землю не упадёт. Господин Яо, забудьте об этом, ничего страшного не случилось.

Однако лицо Яо Гуанье оставалось озабоченным:

— Но пускать всё на самотёк тоже нельзя. Вам необходимо отправить доклад. В противном случае эти придворные писаки и цензоры забросят трон жалобами на вашу непочтительность.

— Жалобами? — Нин Ли пренебрежительно фыркнул. — Он сам напросился, так с какой стати ему выходить сухим из воды? Господин Яо, будьте покойны, я этого так не оставлю. Раз он решил развлечься бумагомаранием, я отвечу ему тем же.

Ему тут же подали кисть и тушь, но едва он занёс руку над листом, как вдохновение испарилось. Нин Ли ерошил волосы, грыз кончик кисти, но нужные слова не шли на ум — в такие минуты он искренне жалел, что в юности отлынивал от уроков каллиграфии и словесности.

Промучившись без толку, он в сердцах скомкал дорогую бумагу.

— К чёрту, не буду писать. Пусть пока лежит.

— Как так? — опешил Яо Гуанье, не ожидавший столь бесславного финала. — Ваше

высочество, неужели вы действительно передумали?

Нин Ли зашвырнул бумажный ком в угол и с самым важным видом кивнул:

— Если на тебя лает бродячая собака, ты ведь не встанешь на четвереньки, чтобы облаять её в ответ?

Яо Гуанье невольно рассмеялся.

— Скажите, господин Яо, разве я не прав?

— Пожалуй, правы, — согласился старый слуга. — Не пристало благородным мужам тягаться с глупыми псами.

Нин Ли довольно хмыкнул.

— Это я излишне тревожусь, — вздохнул Яо Гуанье. — Нам нужно лишь переждать в Цзянье три года, а после мы преспокойно вернёмся в Шачжоу. Мы здесь не карьеру строим. Пусть болтают что хотят, нам до их сплетен дела нет.

Нин Ли шутливо поклонился:

— Восхищён вашим великодушием, господин Яо.

\*\*\*

\*\*\*Квартал Аньцин, поместье Ши\*\*\*

Поместье влиятельного клана Ши раскинулось едва ли не на половину квартала Аньцин. Будучи родственниками Верховного императора по линии обеих государынь — прежней и нынешней, — они пользовались безграничным могуществом. У их ворот вечно толпились просители, а конные экипажи знатных гостей тянулись нескончаемой вереницей.

В глубине великолепного сада, скрытый от праздных глаз, сидел Ши Яньму. Его лицо украшали багрово-синие кровоподтёки, а во взгляде читались лишь злость и нетерпение.

В тот памятный день Нин Ли разукрасил его так, что физиономия горе-воителя напоминала свиную голову. Ночью от невыносимой боли он не мог связать и двух слов, лишь ворочался с боку на бок, мысленно предавая своего обидчика самым изощрённым казням.

— Дедушка... — жалобно заскулил он, размазывая слёзы. — Этот ничтожный щенок из рода

Нин совсем страх потерял! Его дерзости нет предела!

Старый маркиз Ши, глядя на изувеченного внука, едва сдерживал ярость. Сердце старика обливалось кровью, а в душе крепла глухая ненависть к наследнику князя Нина.

Оба семейства прибыли в столицу из провинции, но разве клан Ши уступал выскочкам из Шачжоу? С какой стати этот дикарь позволяет себе распускать руки, а его любимый внук должен терпеть подобные унижения?

Старый маркиз кипел от негодования. Праздничный ужин в честь возвращения внука оказался испорчен; вместо радостной встречи семья провела вечер под аккомпанемент приглушённых стонов пострадавшего. Всю ночь маркиз не смыкал глаз, содрогаясь от гнева, а наутро отправил во дворец пространный доклад, в котором разнёс поведение Нин Ли в пух и прах.

— Мой мальчик, — твёрдо произнёс старик, — не волнуйся. Я добьюсь для тебя справедливости.

— Спасибо, дедушка, — всхлипнул Ши Яньму.

Ши Яньму попытался вежливо поклониться, но любая попытка пошевелиться отзывалась резкой болью. Стоявший рядом слуга осторожно коснулся его лица пальцем с целебной мазью. Молодой господин резко вдохнул от боли и с размаху пнул несчастного в грудь:

— Безрукая тварь! Даже мазь нанести нормально не можешь!

Присутствующие в покоях слуги мгновенно повалились на колени, дрожа от страха:

— Пощадите, господин! Смилуйтесь!..

— Ничтожества! — ярился Ши Яньму. — Какая мне польза от олухов, которые даже с мазью справиться не способны?

Со двора доносились глухие удары палок. Из-за того что телохранители не сумели защитить хозяина, всю его свиту приговорили к суровому наказанию. Сгущались сумерки, ветер завывал в кронах деревьев, и этот ритмичный стук без единого крика боли — наказанные терпели молча — казался особенно жутким и зловещим.

Послышался лёгкий шорох шагов, и в комнату грациозно вошла хрупкая девушка. Её голос прозвучал мягко и певуче:

— Брат, когда дедушка приказал высечь слуг, тебе следовало заступиться за них. Так ты бы завоевал их преданность и благодарность.

Ши Яньму мрачно сверкнул глазами. Про себя он лишь презрительно фыркнул, и его ответ прозвучал резко:

— На кой мне сдалась их преданность? Кучка бесполезного сброда, не способная ни на что.

Ши Яньсюань открыла было рот, чтобы возразить, но промолчала.

— Сестра! — с ненавистью процедил юноша. — Было бы от них хоть немного толку, они бы на месте прибили этого щенка Нина! А они позволили какому-то заезжему дикарю отделать себя так, что пикнуть не могли!

И это называлось «лучшими бойцами», которых дед отбирал лично! Не совладали с заурядным чужеземцем.

Великая Юн славилась веротерпимостью и гостеприимством, и на улицах Цзянь частенько можно было встретить широплечих и круглолицых выходцев из западных степей. Однако столичная знать, несмотря на показное радушие, относилась к иноземцам свысока, используя их лишь для забавы или охраны поместий и никогда не считая за равных.

Для Ши Яньму самым уязвляющим в этом поражении было то, что его превзошёл какой-то безродный степняк.

Неужели великий род Ши из Восточного моря не способен справиться с варваром?

Если прежде он просто недолюбливал заносчивого Нин Ли, то теперь его ненависть стала безграничной.

Позор превзошёл все мыслимые пределы. Ему разбили лицо, выставив на посмешище перед всем городом, и такое оскорбление можно было смыть только кровью. Император обязан наказать обидчика по всей строгости закона — иначе его жажда мести никогда не утихнет.

Заметив на себе сочувствующий и тревожный взгляд сестры, Ши Яньму криво усмехнулся, пытаясь её успокоить:

— Всё в порядке, сестрица. Мне совсем не больно, не переживай.

Ши Яньсюань осторожно коснулась его плеча. На её лице отразилось сомнение:

— Дедушка направил жалобу во дворец, но у меня беспокойно на душе. Не обернётся ли эта затея против нас самих?

— Пустяки, — отмахнулся её брат. — Вот увидишь, этот мерзавец сполна заплатит за свою дерзость.

Ши Яньсюань всё ещё хмурилась, и юноша мысленно вздохнул: «Сестра, конечно, умна, но рассуждает как типичная женщина. Ей не хватает широты государственного ума».

Он заговорил назидательным тоном:

— Сестра, ты ведь слыхала о клане Нин из Шачжоу?

Девушка недовольно взглянула на него:

— Разумеется. Неужели ты решил поучить меня истории?

— Ну что ты, как я смею, — угодливо закивал Ши Яньму. — Клан Нин из Шачжоу безраздельно правит на северо-западе. В их руках сосредоточена огромная армия и баснословные богатства. Они полностью контролируют Великий шёлковый путь. Разве такое могущество у границ не лишает нашего государя сна?

Он заговорщически понизил голос:

— Ещё Верховный император мечтал прибрать к рукам их земли, да силёнок не хватило. Неужели ты думаешь, что нынешний владыка спокойно продолжит смотреть, как Нин крепнет день ото дня?

Рано или поздно престол сделает всё, чтобы сокрушить их силу и укрепить центральную власть.

И сейчас он, Ши Яньму, преподнёс императору идеальный повод для удара!

При этой мысли лицо Ши Яньму озарилось самодовольной улыбкой. Именно этими доводами он сумел убедить деда немедленно отправить жалобу.

Как ни крути, он носил фамилию Ши и принадлежал к великому клану из Восточного моря. Его слова о том, что он приходится императору двоюродным братом, были чистейшей правдой.

Кровные узы связывали их напрямую. Разве такую обиду можно было спустить на тормозах?

Мать Его Величества происходила из рода Ши и в юности слыла первой красавицей столицы. Отец Ши Яньму приходился ей родным братом. По законам империи, юноша действительно являлся близким родственником государя. И этот инцидент давал двору великолепную

зацепку.

Если наследник князя Нина осмелился поднять руку на кузена императора, то не свидетельствует ли это о глубоком непочтении его отца к правящей династии Великой Юн?

Кто ищет повод для обвинения, всегда его найдёт.

Особенно когда виновник сам вложил оружие им в руки.

Ши Яньму упивался своей проницательностью, даже не пытаясь скрыть злорадства:

— Сам виноват. Ему следовало ходить на цыпочках и не высовываться, а он решил помериться силами со мной.

Раз уж ему досталось, он заставит Нин Ли захлебнуться собственными слезами, иначе все его мучения окажутся напрасными. А совершать невыгодные сделки Ши Яньму не привык.

Ши Яньсюань удивлённо взглянула на брата, оценив глубину его замысла. Её глаза блеснули, губы тронула нежная улыбка. Она взяла со столика изящный нефритовый флакон:

— Братец, давай я сама обработаю твои раны.

Неуклюжих слуг выставили за дверь, и теперь о его ушибах заботилась родная сестра. Настроение Ши Яньму мгновенно улучшилось:

— Сестрица, к чему тебе утруждать себя подобными пустяками?

Ши Яньсюань ласково вздохнула:

— Ты пожертвовал собой ради блага нашей семьи, неужели я могу остаться в стороне?

Они с детства были очень близки. Выговорившись и поделившись планами, Ши Яньму почувствовал, как злость уступает место холодному расчёту. Он тихо рассмеялся:

— Пусть этот наглец покрутится. В поднебесном мире за всё приходится платить. Мой урок станет для него хорошим напоминанием.

Он заставит Нин Ли раз и навсегда уяснить, с кем можно задираться, а кого лучше обходить за десять ли.

\*\*\*

Разумеется, Нин Ли и понятия не имел о плетущихся против него интригах.

Впрочем, даже если бы и знал, то лишь пожал бы плечами: какое ему до этого дело?

Погода стояла чудесная. Юноша сидел на верхнем этаже лучшего чайного дома в Цзянье, лакомился сладкими пирожными и слушал выступление сказителя. Ян Цинли уверял, что этот мастер слова невероятно популярен, и раздобыть места за этим столиком стоило немалых трудов.

Вот только тема повествования...

Нин Ли задумчиво отправил в рот засахаренный боярышник и вздохнул:

— Опять битва Владыки Востока при Дафэйчуане? Неужели у ваших столичных сказителей нет других историй?

Ян Цинли в замешательстве почесал затылок:

— Так ведь в столицу как раз прибыли послы из Западного Фаня. Естественно, все кругом и поют о наших былых победах, чтобы утереть им нос.

Объяснение казалось вполне логичным, но слушать эту историю Нин Ли не имел ни малейшего желания. Мало того что он знал этот сюжет наизусть, так ещё и чувствовал неловкость, когда его собственные подвиги воспевали с такой помпой.

«Какая нелепость...»

— Пусть сменят тему, — попросил он. — Величие государства можно прославлять и без этого хвастовства.

Ян Цинли беспомощно развёл руками:

— Но они ведь репетировали именно эту пьесу.

— Разве нельзя поменять её на ходу?

Нин Ли оглянулся и позвал своего слугу:

— Сяо Цзи.

— Я здесь, молодой господин! Всё с собой! — Сяо Цзи тут же выступил вперёд и открыл шкатулку, доверху наполненную сверкающими золотыми бусинами.

Ян Цинли лишился дара речи.

— Помилуй... — выдавил он наконец. — Ты ведь только недавно швырялся золотом на улице. Неужели вошёл во вкус и решил повторить?

— А почему бы и нет? — невозмутимо отозвался Нин Ли.

— Можно, конечно можно, — протянул Ян Цинли. — Нашему наследному принцу закон не писан. Но ты хоть немного подумай о своей репутации неотёсанного царька из глуши!

— Сдалась мне эта репутация, — фыркнул Нин Ли.

— Даже если она тебе безразлична, зачем же умышленно чернить собственное имя? Пожалей себя!

«Ещё никогда я не видел человека, который бы с таким упорством зарывал собственное честное имя в грязь», — изумлённо подумал Ян Цинли.

— Но я действительно хочу послушать что-нибудь другое.

Ему до смерти надоели хвалебные оды о Владыке Востока и сражении при Дафэйчуане.

— Ладно, пусть меняют репертуар, — вздохнул Ян Цинли. — Но столько золота им ни к чему, — он жестом велел Сяо Цзи убрать шкатулку и спросил: — Так что ты хочешь услышать?

Этот вопрос застал Нин Ли врасплох. На самом деле он и сам не знал, какую историю выбрать. За свою жизнь он наслушался всякой всячины, и большинство сюжетов казались ему одинаковыми.

— Главное, чтобы без Дафэйчуаня.

— Это легко устроить, — кивнул Ян Цинли. — Сейчас всё уладим, подожди немного.

Он подозвал управляющего чайной и отдал распоряжения. Ян Цинли надеялся, что на этот раз гость останется доволен.

Однако стоило сказителю ударить по столу деревянной колотушкой, как на лице Нин Ли отразилось полное уныние. Пьеса рассказывала о давнем противостоянии Ли Гуаньланя и Поло Цзюэхуэя.

«Снова этот город Байди... Неужели в столице больше нет тем для рассказов?»

— Прошу тебя, вели им сменить тему, — взмолился Нин Ли с обречённым видом.

— Да что не так? — растерялся Ян Цинли, почувствовав себя немного обиженным. — Назови хоть одно произведение, которое тебе по душе, а то мне никак не угодить твоему изысканному вкусу.

Нин Ли задумался. Редкие сказания здесь вряд ли знали, а привычные истории набили оскомину. Выбирая из двух зол меньшее, он произнёс:

— Пусть сыграют «Юйфу Дунтин».

Эта старинная драма повествовала о великом поэте Цюй Юане, который, несмотря на наветы завистников, остался верен государю и отечеству. Сказание гласило, что после того как поэт бросился в реку Мило, огромный осётр бережно принял его тело и поплыл к родным местам поэта. Однако рыба увлеклась и проскочила Цзыгуй, добравшись до самого ущелья Цюйтан у рифа Яньюй. Лишь там гигантский осётр понял свою ошибку и поспешил обратно, чтобы упокоить поэта в водах озера Дунтин.

Ян Цинли удивлённо приподнял брови:

— С каких это пор тебя увлекают подобные сюжеты?

— А разве нельзя? — Нин Ли бросил на него ленивый взгляд.

— Можно, конечно можно, — поспешно согласился Ян Цинли, привыкший потакать капризам друга. — Раз наш наследный принц желает слушать о Цюй Юане, пусть будет Цюй Юань.

Ян Цинли никогда прежде не слышал этого сказания. Большая часть пьесы была посвящена описанию природы и обычаев тех далёких мест.

«Утром отчалил из города Байди, к вечеру прибыл в Цзянлин — быстрее ветра...» — до этого дня Ян Цинли знал лишь эти поэтические строки, и история о посмертном пути поэта оказалась для него в новинку.

Странно только...

Нин Ли никогда не питал страсти к древним свиткам и поэзии. С чего вдруг его заинтересовала эта драма?

Впрочем, размышлять об этом не хотелось. Юноша поудобнее устроился в кресле и принялся слушать — старинное предание действительно завораживало своей светлой грустью.

<http://bllate.org/book/20087/2001850>